

process of new social laws modeling produces anti-utopian influence on the re-building society. This unusual influence is going to be considered as the main part of utopian model of catastrophe by A.A. Zynoviev.

Key words: utopia, anti-utopia, sociological tale.

В.А. Филатова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 82-94

«ПУШКИНСКИЙ» ПЕРИОД В ЖИЗНИ Н. ДУРОВОЙ

Жизнь Н.А. Дуровой, знаменитой кавалерист-девицы, можно условно разделить на несколько периодов – детские годы, служба в армии, литературная деятельность, последние годы жизни (елабужский период). Общеизвестно, что литературная карьера Н. Дуровой состоялась благодаря непосредственному участию А.С. Пушкина, который не только напечатал во втором номере своего журнала «Современник» отрывки из военного дневника Н. Дуровой, заинтриговал читателя, приоткрыв тайну кавалерист-девицы в предисловии, но и укрепил веру начинающей писательницы в её творческом таланте.

Судьба Н. Дуровой заинтересовала А. Пушкина задолго до знакомства с героиней войны 1812 года. Ещё не читая её воспоминаний, он предположил, что «за успех можно ручаться» в письме к её брату, Василию Дурову, а литературный портрет «О Дурове» (1835 г.) начинается словами: *«Дуров – брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила георгиевский крест и теперь издаёт свои записки»* [10, с. 435]. В. Шкловский утверждал, что «в повести о длинноносой и некрасивой дочери городничего» его привлекла не «романтичность положения женщины-воина, не трагедия, не переодевание», а её новый реалистичный взгляд на войну [12, с. 232]. Интерес А. Пушкина мог быть вызван и его желанием в юные годы связать свою жизнь со службой в лейб-гвардейском Гусарском полку, и его мнением о важности публикации воспоминаний (о его серьёзном отношении говорят слова из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года», написанного в 1835 году и впервые опубликованного в сокращённом варианте в первом выпуске «Современника» в 1836 году: *«Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»* [8, с. 261]), и его

потребностью печатать в журнале свидетельства участников наполеоновских войн.

Отрывки из записок Н. Дуровой были напечатаны в «Современнике» в 1836 году – накануне 25-й годовщины Бородинского сражения. Как известно, 30-е годы XIX века характеризуются «новым оживлением общественного движения к истории наполеоновских войн» [11, с. 192]. В прессе активно обсуждается вопрос о выпуске мемуаров современников 1812 года. На призыв журналов и газет *«не просто записывать свои воспоминания, но и активно продвигать их в печать»* [11, с. 192], *«в военную цензуру поступало больше чем когда-либо статей о 1812 году»* [2, с. 308].

А. Пушкин, как и другие русские журналисты, был привлечён к «авторству» мемуаристов [11, с. 196]. Но, для Пушкина 1812 год *«никогда не был очередной литературной темой»* [2, с. 308]. Он понимал значимость событий, наполненных глубоким общественным смыслом, сдвигом исторических пластов, повлекших за собой изменения в жизни всего общества. Во втором томе «Современника» он планировал напечатать «Занятие Дрездена» Дениса Давыдова [2, с. 308].

Трудности, с которыми столкнулся А. Пушкин как издатель воспоминаний Д. Давыдова, подробно описаны В. Вацуро и М. Гиллельсон в очерках, посвящённых «Современнику» («О цензуре земской и удельной и партизанском рейде Дениса Давыдова»). В декабре 1833 года военный министр граф Чернышёв выдвинул официальное требование, чтобы *«все статьи, так или иначе описывающие военные действия российской армии, равно как и содержащие сведения о современных военных событиях, направлялись ему для просмотра»* [2, с. 306]. После этого они отправлялись в Военно-цензурный комитет, который проверял реальность изложенных в них фактах. Исключение было сделано только для *«описаний битв в эпических поэмах, что избавляло генералов, заседавших в комитете, от сугубо филологической работы по приисканию среди реляций реальных источников литературных произведений»* [2, с. 306-307].

По мнению цензуры, мемуары Давыдова *«не слишком стесняли себя следованием официальным данным: они были подчеркнута субъективны и содержали нечто от оправдательной записки и нечто от памфлета»* [2, с. 308], поэтому четверть работы была вычеркнута, из-за чего легендарный партизан отказался от публикации. Вместо «Занятия Дрездена» он предложил Пушкину статью «О партизанской войне», которая, по его мнению, должна была

пройти мимо цензурного комитета «с сигаркой в зубах» [2, с. 313]. Уверенность Давыдова оказалась преждевременной, и эта работа была подвержена серьёзной цензурной правке, но допущена к печати с изменениями, которые *«означены красными чернилами и сделаны в тех местах, где сочинитель заблуждается или употребляет неприличные выражения»* [2, с. 314]. Тем не менее, исправленная статья о партизанской войне вышла в третьем номере «Современника», а очищенное сочинение «Занятие Дрездена» – в четвёртом.

К сожалению, авторы работы «Вокруг „Современника”» не упоминают, что во втором номере журнала были напечатаны воспоминания другого участника военных действий 1812 года – Надежды Дуровой. Отношение к воспоминаниям кавалерист-девицы Пушкин-издатель выразил в письме к своей жене от 11 мая 1836 года: *«Что записки Дуровой? пропущены ли цензурою? они мне необходимы – без них я пропал»* [7, с. 204]. Несмотря на то, что Давыдов в переписке с Пушкиным обращал внимание на неточности, которые он усмотрел в записках, воспоминания Дуровой прошли цензурный комитет и были напечатаны.

В 1836 году записки Н. Дуровой под разными названиями вышли дважды. Первый раз в сокращении в журнале А. Пушкина «Современник», и второй – отдельным изданием при содействии Ивана Бутовского. Наличие двух вариантов дало повод современному учёному А.Г. Тартаковскому привести «Записки Н.А. Дуровой» как пример работы с мемуарными источниками. Во второй главе книги «1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения», посвящённой источникам и принципам учёта мемуаров, он подчёркивает, что для определения того, является ли текст самостоятельным мемуарным произведением или одной из его редакций, необходимо провести ряд специальных текстологических разысканий. По его мнению, *«Пушкин подверг записки Дуровой тщательному редактированию: значительные куски устранил вовсе, велеречиво-сентиментальные описания заменил сжатými характеристиками, точно передающими ход и сущность событий, в целом освободил записки от литературно-беллетристической окраски, но зато бережно сохранил все дышащие неподдельной реалистичностью описания и подробности военно-бытовой обстановки, т.е.*

привёл текст в соответствие с тем, что более всего ценил во всяком подлинно мемуарном произведении» [11, с. 45]. Подобную точку зрения высказывает М. Гилельсон: «Опытный редакторский карандаш издателя «Современника» изъясил из журнальной публикации те страницы, на которых фигура русской «амазонки» слишком заслоняла собою центральный сюжет записок – всенародную борьбу с иностранным нашествием» [3, с. 20].

Трудно согласиться с подобными утверждениями, сравнив отрывки из записок Дуровой во втором томе «Современника» с полной версией воспоминаний. Важно отметить, что многие издания записок Н. Дуровой, вышедшие в конце прошлого века, отличаются друг от друга. Одним из наиболее полных вариантов можно считать сборник московского издательства «Правда» 1987 года. Если сравнить содержание этих записок и опубликованных во втором томе «Современника», то очевидно, что в пушкинское издание не вошёл не только целый ряд небольших эпизодов, но и целые части, образовавшие в последующих изданиях отдельные главы: «Фуражировка», «Рассказ татарина», «Ночь в Богемии». Отсутствуют в «Современнике» и рассуждения Дуровой о пожаре в Москве в 1812 году, и целый ряд эпизодов о военных трудностях. Но сохранены её переживания о жизни, когда тайна раскроется; о слухах, которые «носятся» в армии в связи с амазонкой [6, с. 113-114].

Это говорит о том, что А.С. Пушкин, заинтригованный в предисловии читателя вопросом, что заставило «молодую девушку хорошей дворянской фамилии» отречься от своего пола и явиться на поле наполеоновских сражений, не мог убрать из записок места, которые помогают понять внутренний мир героини [6, с. 54].

А. Пушкин, планировавший выпустить воспоминания Н. Дуровой отдельным изданием, рассуждал и о продаже книги (в письмах к В. Дурову от 17 и 27 марта 1836 г.), поэтому одну из целей журнальной публикации можно назвать современным языком – реклама Дуровой. В подтверждение мысли приведём слова из упомянутого письма: «Полные Записки, вероятно, пойдут успешно после того, как я о них протрублю в своём журнале» [5, с. 181]. Сама Дурова в «Автобиографии» писала, что Александр Сергеевич на её просьбу сделать исправления в записках отвечал, что «поправлять нечего», и предлагал только необходимую помощь при издании Записок [5, с. 191].

Готова воспоминания к публикации, А.С. Пушкин в названии и предисловии указал полное имя автора. Реакция мемуаристики известна из её письма от 7 июня 1836 года: «... вы называете меня именем, от которого я вздрагиваю, как только вздумаю, что 20-ть тысяч уст его прочитают и назовут» [5, с. 182]. Остановить издание было невозможно, так как все экземпляры были уже напечатаны. Пушкин выразил своё мнение в письме, которое приблизительно датируется 10 июня 1836 года: «Записки амазонки» как-то слишком изыскано, манерно, напоминает немецкие романы. «Записки Н.А. Дуровой» – просто, искренне и благородно. Будьте смелы – вступайте на литературное поприще столь же отважно, как и на то, которое Вас прославило. Полумеры никуда не годятся» [5, с. 183].

Приведенное выше письмо часто цитируется в критической литературе как свидетельство участия А.С. Пушкина в литературной судьбе Н. Дуровой. Отметим, что письмо сохранилось благодаря барону Ф. Бюлеру, который получил его в 1838 году в подарок от школьного друга Л.И. Бутовского, племянника Н. Дуровой. Публикуя письмо в «Русском архиве» в 1872 году, Ф. Бюлер предлагал свою версию заглавия книги, вышедшей в 1836 году «не под прежде задуманным ею названием и не под тем, которое предлагал ей Пушкин, а под третьим, вероятно ими вместе придуманным и довольно заманчивым заглавием: Кавалерист-девица» [1, ст. 201]. Ф. Бюлер также добавляет, что «в 1939 году (по кончине Пушкина), в Москве был напечатан однотомник „Записки Н.А. Дуровой”» [1, ст. 201].

Пушкин-издатель, советовавший Дуровой быть решительной и не скрывать своего имени, не всегда следовал этому совету. Публикуя в 1831 году свои прозаические произведения, он называет «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.». Имя писателя издатель Плетнёв должен был «шепнуть» книгопродавцу Смирдину «с тем, чтобы он перешепнул покупателям» [8, с. 413]. Только через три года, после того, как публика и критика оценили повести, они были опубликованы под настоящим именем автора – «Повести, изданные Александром Пушкиным». Что касается автобиографических сочинений, то, как известно, лихой гусар и храбрый партизан, участник событий 1812 года, друг Пушкина, Денис Давыдов, написал свою автобиографию, впервые

напечатанную в журнале «Русский зритель» в 1828 году, под чужим именем.

Пушкин-автор, как считают исследователи, отдавал предпочтение заглавиям кратким и лаконичным. Пушкин-издатель понимал значимость заглавия, которое должно было привлечь внимание читателя и способствовать продаже книги. Поэтому, вынося в название произведения имя автора, он рассчитывал на интерес к уже тогда общеизвестной исторической личности.

В исследовательской литературе неоднократно подчёркивалось, что записки Н. Дуровой были восприняты В.Г. Белинским как «мистификация» со стороны А.С. Пушкина. В рамках этой статьи выделим сходство в описании Петербурга у Дуровой и Пушкина. Уже первое предложение, посвящённое Петербургу («*Вот наша светлая, чистая, великолепная столица!*») [4, с. 391], можно сравнить со словами из «Медного всадника»: «*И перед младшею столицей померкла старая Москва*» [9, с. 173]. Хвалу Петербургу Н. Дурова продолжает словами: «*памятник непобедимого мужества, великого духа и геройской решимости непобедимого Петра!*» [4, с. 391]. Для сравнения у А.С. Пушкина: «*Люблю тебя, Петра творенье, Люблю твой строгий, стройный вид...*» [8, с. 173], или «*Красуйся, град Петров, и стой Неколебимо, как Россия...*» [8,

с. 174]. Великолепие Петербурга начинается для Н. Дуровой с памятника Петру I: «*... всякий день хожу смотреть на монумент Петра Великого. Как достойно дано ему это название! Пётр был великим, в каком бы состоянии ни родился! Величественная наружность его вполне отвечает обширному гению, некогда управлявшему его великою душою!*» [4, с. 391]. У А.С. Пушкина – «*На берегу пустынных волн Стоял он, дум великих полн, И вдаль глядел*» [8, с. 172].

Петербург для Н. Дуровой – это, прежде всего, место, с которым связаны значимые изменения в её жизни. Во время первого визита – встреча с императором Александром, с которым она беседовала «*сложив руки, как перед образом, и смотря на государя глазами, полными слёз*» [4, с. 392]. Петербург – это не только разрешение жить той жизнью и в том образе, который она для себя выбрала, но и позволение называться новым именем. Именно в Петербурге вместо вымышленного Александра Дурова появляется офицер Александров, получивший за боевые заслуги Георгиевский крест и имеющий официальное разрешение императора служить отечеству.

Н. Дурова, находившаяся во время дуэли и смерти Пушкина в столице, ни словом не обмолвилась в автобиографической повести «Год жизни в Петербурге» об этих событиях. В.Б. Смиринский объясняет это бдительностью царской цензуры, «стоявшей на страже самодержавного строя» и запрещавшей писать о Пушкине и его дуэли [5, с. XII]. Для сравнения, в июле 1837 года П. Корсаков запрещает статью Одоевского о «Современнике» и Пушкине, «*памятуя рекомендации министра воздерживаться от сочувственных упоминаний в печати имени поэта*» [2, с. 341]. Однако Дурова и в автобиографической повести, и в «Автобиографии» неоднократно сожалеет о том, что лишила свои записки «блистательнейшего их украшения, их высшей славы – имени бессмертного поэта» [5, с. 103]. И всё повествование повести наполнено скрытой грустью. Нет уже обвинений, которые предьявляла Пушкину кавалерист-девица по поводу издания записок; а позже в письме к В.Н. Мамышеву в 1861 году Дурова признаёт правоту Пушкина и высказывает сожаление о том, что в полном варианте «Записок» полностью названы имена людей, «достойных уважения», но «при не совсем приятных обстоятельствах» [5, с. 186]. Она предпочла бы, «чтоб имена эти были заменены просто начальными буквами или даже звёздочками», как это было сделано в «Современнике» [5, с. 186].

«Пушкинский» период в жизни Н. Дуровой был значимым не только для самой кавалерист-девицы, но и для последующих поколений. Благодаря публикации в журнале А.С. Пушкина, которая стала своеобразной рекламой, были опубликованы не только её воспоминания, но и художественные произведения. Дурова вошла в историю литературы как писательница, чьё творческое начало связано с деятельностью Пушкина-журналиста; её имя и подвиг сохранились для потомков; она признанно считается первой женщиной, решившейся на прижизненную публикацию своих откровений, с лёгкой руки А.С. Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюлер Ф.А. [Примечание к публикации]. Письмо А.С. Пушкина к кавалерист-девице Н.А. Дуровой // Русский архив. – 1872. – № 1. – Стб.199 – 204.
2. Вацуρο В.Э. Вокруг «Современника» // Сквозь “умственные плотины” / В.Э. Вацуро, М.И. Гиллельсон. – М.: Книга, 1986. – С. 266 – 348.
3. Гиллельсон М.И. Пушкинский «Современник» / М.И. Гиллельсон // Современник. Литературный журнал,

- издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. – М.: Книга, 1987. – 248 с.
4. Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы / Д.В. Давыдов, Н.А. Дурова. – М.: Правда, 1987. – 649 с.
 5. Дурова Н. Записки Кавалерист-девицы / Надежда Андреевна Дурова. – Татарское книжное издательство, 1966. – 200 с.
 6. Записки Н.А. Дуровой // Современник. – 1836. – Т. 2. – С. 53 – 132.
 7. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах / [составление М.П. Еремина]. – М.: Правда, 1981. – Т. 10: Письма 1831 – 1837. – 448 с.
 8. Пушкин А.С. Проза / А.С. Пушкин; [Сост. и коммент. С.Г. Бочарова]. – М.: Сов. Россия, 1984. – 464 с.
 9. Пушкин А.С. Медный всадник / А.С. Пушкин // Сочинения. В 3-х т. – М.: Худож. лит., 1985 – 1987. – Т. 2: Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. – 1986. – С. 172 – 184.
 10. Пушкин А.С. О Дурове / А.С. Пушкин // Сочинения. В 3-х т. – М.: Худож. лит., 1985 – 1987. – Т. 3: Проза. – 1987. – С. 435 – 437.
 11. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения / А.Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
 12. Шкловский В. О русском романе и повести / В. Шкловский // Избранное. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1983. – Т. 1: Повести о прозе; Размышления и разборы. – 1983. – С. 232 – 236.

АННОТАЦИЯ

Филатова В.А. «Пушкинский» период в жизни Н. Дуровой

В статье рассматривается один из периодов в жизни Н. Дуровой, связанный с публикацией её воспоминаний в журнале А.С. Пушкина «Современник», благодаря которому Дурова вошла в историю литературы как писательница, чьё творческое начало связано с деятельностью Пушкина-журналиста.

Ключевые слова: «Современник», издание, цензура, записки, воспоминания.

SUMMARY

Filatova V.A. The Pushkin period in the life of N. Durova

One of the periods in the life of N. Durova, related to the publication of her memoirs in Pushkin's journal «The

Contemporary» is analysed. Thanks to it Durova is known as a writer whose career is connected with the activity of Pushkin-journalist.

Key words: «The Contemporary», edition, censorship, notes, memoirs.

И.Е. Шишкина
(г. Горловка, ДНР)

УДК 821.161.1

**«ЧЕРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ»
АНТОНΙΑ ПО ГОРЕЛЬСКОГО КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ
СВЯТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Повесть Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители», которую он написал и опубликовал в 1829 году и которую посвятил своему племяннику и воспитаннику, будущему замечательному русскому поэту и писателю Алексею Константиновичу Толстому, относят к жанру романтической фантастической повести. О.И. Виноградова отмечает, что для романтической фантастической повести характерно: существование двух взаимосвязанных миров; сюжет часто имеет своеобразную параболическую форму; наличие единоподобного конфликта, который может раскрываться через несколько конфликтных ситуаций в реализации романтического двоемирия; наличие ряда своеобразных мотивов: сна, видения, безумия, перевоплощения, смерти, игры, двойничества и т.п. [2]. Романтическая фантастика не требует действительной веры в реальность сверхъестественного, но «читатель должен пройти через непосредственное ощущение чуда и реагировать на это ощущение удивлением, ужасом или восторгом, вообще теми или иными «сильными чувствованиями». Без этого авторская цель, видимо, не может быть достигнута...» [5, с. 139-140].

Самим же автором произведение определено как «волшебная повесть для детей». В нем есть все атрибуты волшебной повести: и путешествие мальчика Алеши в «чужой» мир – подземное царство, и сказочный помощник героя – Черная курица, оказавшаяся министром подземного царства, и граница между «своим» и «чужим» миром – большая дверь из светлой желтой меди, охраняемая рыцарями «в блестящих латах, с большими перьями на шлемах, с копьями и щитами в железных руках», и временная смерть и воскрешение героя – в повести это